

УДК 316
ББК 60.56

DOI 10.22394/1682-2358-2019-4-107-117

L.N. Maksimova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

A.V. Fedorova, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CONFLICTS AND RISKS: MODERN METHODOLOGICAL BASIS FOR RESEARCH

The modern methodological bases for research in the context of the Russian crisis are analyzed. Four configurations that determine the correlation of conflicts, risks, uncertainties, and the sociocultural factors are considered. It is postulated that matrices of conflicts and risks help to reveal their sources, conditions and causes, identify subjects and objects, as well as types, levels and extent of conflicts and risks.

Key words and word-combinations: conflicts, risks, methodology, John Law, management.

Л.Н. Максимова, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: larisa-maximova@yandex.ru)

А.В. Федорова, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: anna_fedorova_76@list.ru)

КОНФЛИКТЫ И РИСКИ: СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Анализируются современные методологические основания исследований в условиях российского кризиса. Рассматриваются четыре конфигурации, определяющие взаимосвязь конфликтов, рисков, неопределенности и социокультурных факторов. Постулируется, что матрицы рисков и конфликтов помогают выявлять их источники, условия, причины, определять субъекты и объекты, а также виды, уровни и степень конфликтов и рисков.

Ключевые слова и словосочетания: конфликты, риски, методология, Джон Ло, управление.

Современная ситуация отличается многочисленными взаимосвязанными вызо-

вами по отношению к человеку, актору социальной и организационно-управленческой жизни. К числу наиболее значимых вызовов можно отнести *кризисное состояние* общества, социальных институтов, практик отдельных акторов и антропологический кризис. Кризис, поразивший все сферы современного общества, отличается высокой степенью неопределенности и высокими рисками протекающих событий и реализуемых действий. Он охватил все общественные процессы, явления и структуры и носит структурно-функциональный характер. Кризис пролонгирован во времени: ни один из известных экспертов не может достоверно спрогнозировать дату или период его окончания. Известно лишь одно — кризис будет длиться еще достаточно долго [1, с. 13]. Этот режим многие исследователи называют длинной турбулентностью, когда наблюдаются непредсказуемые взаимодействия разнонаправленных тенденций. В сложившихся условиях социальные институты перестают работать на прежнем уровне эффективности и реализовывать основные интересы акторов. Они утрачивают функциональную эффективность и трансформируются в системы, замкнутые на собственной работе. Главной целью социальных институтов становится сохранение и воспроизводство собственной деятельности в ситуации относительной сбалансированности основных показателей эффективности.

Энтропия и состояние хаоса сопровождают практики акторов социальной жизни общества. Вероятности тех или иных событий трудно просчитать, используя количественные социологические методы, математический или статистический аппарат. В этих условиях происходят маловероятные, немислимые события. Другая сторона осуществляемых практик — это иллюзорность границ. Б. Латур писал о неопределенности действий, связанных с тем, что действие становится «неожиданностью», «посредничеством», «событием». Важно определить, что еще действует в то время, когда действуем мы. При этом непонятно, где находится источник неопределенности, во внешней среде или в акторе [2, с. 68]. Действия акторов перехватываются и захватываются другими акторами, тем самым увеличивая неопределенность деятельности.

Антропологический кризис связан с ценностными установками акторов, процессами исторической, профессиональной и личной идентификации, когда претерпевают изменения основания деятельности современного человека. Он слабо самоопределен с точки зрения пространственно-временных особенностей современности. Это служит причинами его амбивалентности. Современный человек (актор), с одной стороны, попадает на противоречия, связанные с выбором и действиями. С другой стороны, он приемлет все, что отвечает логике ситуативной прагматики. Кризис современного человека детерминирован общественными изменениями: изменяются характеристики современности. Акторам приходится реализовывать собственные практики в постинформационном, постглобальном и постсетевом обществе.

Становятся необходимыми разработки современных концепций конфликтов и рисков в условиях кризиса. В этом процессе могут помочь теории социального управления организационного, местного, регионального и федерального уровня; современные методологии и когнитивные модели, опирающиеся на методологии мягких и жестких систем и системно-мыследеятельностный

подход, акторно-сетевую теорию Б. Латура и Дж. Ло; а также когнитивные сборки сущностных характеристик динамично изменяющейся современности для переосмысления на различных уровнях теоретического знания новых требований к процессам управления, прогнозирования и обеспечения безопасности общества.

Для успешной реализации поставленных целей необходимо детально проработать понятия «неопределенность», «кризисность», «конфликтogenicность», «социальные риски», «конфликты» и проследить динамику этих понятий в процессе развития современного научного знания.

Современные взаимосвязи неопределенности, кризисности, конфликтogenicности и рисков могут быть описаны с помощью *четырёх конфигураций*. Элементами первой конфигурации является неопределенность, проблемное поле традиционных и современных методологических оснований, кризисность и конфликтogenicность. В рамках анализа высокой неопределенности современной ситуации границы исследований конфликтов и рисков могут быть исследованы с использованием метафоры фронта (полоски земли между освоенными и неосвоенными землями). Границы-фронты современных конфликтов и рисков служат ориентирами, маркерами деятельности акторов социальной реальности. Они определяют сложную и многообразную проблематику, методологию, методики и дискурсы теоретических, практических и практических исследований.

Особую роль в формировании и поддержании границ-фронтов играет междисциплинарность, предполагающая взаимодействия в режиме сетевого партнерства различных теоретических концепций, методологий и дисциплин. Особое значение приобретает принцип транспарентности, когда концептуальные модели из одного поля научных исследований переносятся в другое предметное поле. Методологические основания выступают в качестве второго элемента первой конфигурации. В источниках встречаются традиционно используемые методологии (методология мягких и жестких систем, а также системно-мыследеятельностная методология) и современные методологии (методология Дж. Ло, акторно-сетевая методология Б. Латура и методология, связанная с фрейм-анализом). Методологические основания не только определяют «вызовы» современной ситуации, но и выявляют конфликты и риски, связанные с широким и монопольным использованием натурфилософских подходов, школ, направлений и количественных методов в исследованиях сложных феноменов социальной реальности [3].

Социальная реальность слишком сложна для того, чтобы применять в исследованиях простые и ясные модели, методы и инструменты. Использование простых и ясных моделей на практике приводит к неоправданным издержкам, которые заключаются в том, что большинство текстов социальной и организационно-управленческой жизни просто ускользают от исследователя. Именно поэтому необходимы разработки, определяющие «новую системность» и соответствующие по сложности объектам и предметам исследований медленные и щедрые методы и процедуры.

Следующим элементом первой конфигурации является кризисность. Сов-

ременный кризис отличается открытостью, нелинейностью, временной компрессией. Открытость предполагает непрерывные изменения, происходящие во всех сферах общественной жизни под влиянием внешних и внутренних факторов. Нелинейность разворачивающегося кризиса связана с тем, что трудно определить конкретные причины, вызвавшие его, действия по урегулированию кризисной ситуации и последствия. Характеристики современного кризиса глубоко антропологичны, поскольку актер обречен на постоянные и непрерывные движения от невыносимой парадоксальности (вынести самого себя) к преодолению противоречий, конфликтов и рисков, далее — к функциональности (личной и профессиональной) и наконец — к связанности и цельности. Эта динамика непреодолима, поскольку достижение функциональной связанности и цельности «завершается» новым витком парадоксальности, противоречий, конфликтов и рисков (высоких рисков). Важно понимать, что в современной кризисной ситуации не определены управленческие стратегии по выходу из кризиса. Это происходит в условиях борьбы политических элит за власть и отсутствия единой политической воли для принятия своевременных решений. Организации становятся кризисными гетеротопиями согласно классификации М. Фуко [4].

В современной ситуации происходит увеличение уровня рискогенности и конфликтогенности среды, то есть проявляют себя изменения, связанные с количественными и качественными характеристиками социальных рисков и конфликтов. Основными причинами происходящих изменений становятся противоречивые интерпретации социальных ситуаций, ограничения во времени, когда управленческие решения необходимо принимать быстро, в жестко отстроенной темпоральности акторов социальной и организационно-управленческой реальности. Отмечается усиление контингентных взаимосвязей между феноменами рисков и конфликтов на различных уровнях развития общества. Они оказываются связанными вероятностными отношениями континуально и субстанционально. Континуальность описывается метафорично с помощью ленты Мебиуса [5, с. 157]. Субстанциональность анализируется в качестве амбивалентности и биполярности социальных рисков и конфликтов. Амбивалентность подразумевает понимание рисков в качестве действий, событий и процессов, протекающих в ситуации неопределенности с возможными негативными последствиями (ущерб, угроза, потери). Риски с точки зрения последствий могут рассматриваться как открывающиеся возможности, шансы на успех или выигрыш. Амбивалентность социальных конфликтов раскрывается в дисфункциональности и положительных функциях конфликтов (конструктивные и деструктивные функции). Биполярность предполагает, что социальные риски и конфликты могут взаимодействовать друг с другом по следующим векторам: риски / угрозы и конфликты / дисфункции; риски / возможности и конфликты / конструктивные; риски / угрозы и конфликты / конструктивные; риски / возможности и конфликты / дисфункции.

Социокультурные особенности конфликтов и рисков, раскрытые через высокий уровень и степень социальных и организационно-управленческих рисков, конфликтов и конституированные феноменами социально-экономического,

политического и технологического кризиса, могут быть дополнены пониманием с точки зрения горизонтов интерпретаций. Горизонты интерпретаций, базирующиеся на феноменологической традиции, позволяют проанализировать ценностные, ментальные и когнитивные основания исследовательского поля социальных и организационно-управленческих конфликтов и рисков.

В современных социокультурных обстоятельствах на технологическом уровне использован Крест О. Хьюси. Он позволяет не только зафиксировать конфигуративные элементы конфликтов и рисков, но и отследить их динамику с помощью движения по кресту («внутри — назад — вперед — наружу»). Неопределенность выступает в роли наиболее фундаментальной характеристики и включает в себя в том числе и кризисные феномены. Конкретизируя неопределенность, продвигаемся от нее вниз, к кризисности; далее — к конфликтогенности и наконец — к методологическим основаниям.

Первая конфигурация *концептуальна* в смысле праксичности теоретических концептов, тесной связанности с практическими действиями и теоретическим знанием. Праксичность концепта первой конфигурации находится в непрерывной динамике благодаря делящимся переходам от теоретических знаний к повседневным практикам социальной жизни. Она связана в большей степени с внешней средой организационно-управленческой деятельности, определяющей инвариантные характеристики социальной реальности. Современные организации становятся значимыми акторами социальной реальности, конфликтных ситуаций и ситуаций риска. В первой конфигурации происходит центрирование на человеке, его ролях и статусах (актера, субъекта и объекта управления, конфликтов и рисков). Конфигурация усиливает не только рациональность, но и рефлексивность организационного поля и управленческих практик. Противоречия, конституирующие организационно-управленческое поле, фиксируются и проявляются через феномены кризисности и высокой конфликтогенности.

Вторая конфигурация, основаниями которой выступают динамика исследовательского поля современных организаций (социальных общностей), внутренняя и внешняя среда организационной эффективности, результативности и жизнеспособности, в большей степени обращена к внутренним составляющим организационно-управленческой жизни. Движение осуществляется от характеристик исследовательского поля к особенностям организационной среды и далее к моделям жизнеспособности и эффективности. Рискогенность и конфликтогенность значительно увеличиваются благодаря фактору фасилитаторства, когда актер приспосабливается под задачу формального, а не содержательного соответствия той или иной социальной и организационно-управленческой ситуации. Основными последствиями этого процесса являются рассогласованность этапов аудита — диагностики — инновирования; отказ до-исследовать организацию; ограничение проводимых исследований методами анализа документов и анализа сайта; нивелирование методологических оснований исследований, рисков и конфликтов в процессе исследований и инновирования организации; низкая эффективность проектов (малое количество проектов, готовящихся под запрос, под реализацию); натурализация

подходов в изучении современных организаций и управленческих практик. В рамках проблемы фасилитаторства целесообразным является введение агента в качестве противопоставления субъекту социального действия [6; 7, с. 67].

П. Бурдые, разработавший концепцию поля, наделяет агента активной позицией, способностью реализовывать целеориентированные стратегии на основе выстраиваемых диспозиций и практик, свободой от теоретических структур и моделей. Агенты находятся в состоянии конфликта и борьбы за культурный, экономический, социальный или символический *капитал*. Исследователь по необходимости становится агентом по отношению к современным организациям, конфликтам и рискам. Благодаря процессу проектирования исследователь и управленец попадает в поле организационных и организационно-управленческих рисков и конфликтов. Поле риска конституировано габитусами и диспозициями агентов, а также общей конфликтогенной направленностью социальных практик агентов, последствиями которых могут стать выигрыш или ущерб в ситуации неопределенности.

Третья конфигурация, актуализирующая теоретические подходы и методологические установки к исследованиям социальных организаций, основывается на принципе *смены парадигм*. Традиционное деление на классическую, неклассическую и постнеклассическую парадигмы позволило сосредоточиться на особенностях перехода от одной парадигмы к другой, преодолевая отношения оппозиции классики и неклассики. Основным действенным принципом этой конфигурации — «актуальность, применимость, прагматичность» — позволил классифицировать концептуальные подходы в исследованиях современных организаций и зафиксировать культуральный подход Дж. Александера; теорию «креативного действия» Х. Йоаса; реляционный подход (И.Ф. Девятко и др.); теорию «цепочек интерактивных ритуалов» Дж. Коллинза; «теорию актер — сеть» Б. Латтура и М. Каллона; марксистскую концепцию М. Буравого и Райта; критический подход Сайера; теорию повседневности П. Штомпки и интегративные теории (Х. Эссер, Н.В. Романовский).

Современные организации, конституирующие социальное поле, могут быть исследованы с помощью интегративных теоретических оснований и методологических подходов построения и внедрения лидирующей организационной конфигурации. Этот подход к исследованиям современных организаций эвристичен, содержит в себе теоретический и практический потенциал для рефлексии и разработан профессорами кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Т.П. Фокиной и Т.И. Черняевой на основе метафор, предложенных Г. Морганом.

Как особое направление практического анализа и основание для выявления и выстраивания третьей конфигурации теоретического и методологического знания может быть использован рискологический подход, основная задача которого состоит в осмыслении функционирования и динамики современных организаций с позиций организационных, управленческих и коммуникационных рисков, в выявлении полей рисков для повышения эффективности управления ими.

С появлением организаций возникают новые типы конфликтов и рис-

ков — организационные, управленческие, коммуникативные, риски конфликтных ситуаций, то есть конфликты и риски, связанные с социальными действиями агентов во внутренней и внешней среде организаций [8, с. 69]. Риски становятся динамично развивающимися структурными компонентами современной ситуации в форме событий или взаимосвязанных действий социальных акторов, направленных на преодоление информационной и временной неопределенности. Не стоит недооценивать современные конфликты и риски. Это сверхсложные процессы, конституированные системами социальных действий и событий, раскрывающихся в эсхатологической перспективе для современного человека и организаций, «оказаться спасенными в последний момент». Отличительными характеристиками динамики конфликтов и рисков являются открытость, нелинейность и непропорциональность затрачиваемых усилий и получаемых результатов. При такой концептуализации конфликтов и рисков особое значение приобретает не столько стратегии минимизации рисков и снижения уровня конфликтности, сколько стратегии управления высокими сложными и связанными рисками и острыми конфликтными ситуациями.

С позиций конфликтологического и рискологического подходов происходит переосмысление динамики теоретических подходов и методологических установок по отношению к процессам функционирования и развития современных организаций. На смену ситуационно-экономическим теориям конфликтов и рисков приходит системное видение, когда организации осмысливаются как сложные системы, состоящие из множества взаимосвязанных подсистем и процессов. В роли таких подсистем управления современными организациями выступают подсистемы управления рисками и конфликтами на различных организационно-управленческих уровнях. Проявляет себя и «новая системность», базирующаяся на синергетическом, конфликтологическом, рискологическом и организационно-управленческом подходах. Современные организации становятся слабо структурированными, инновирруемыми точками сборок гетерогенных риск-полей и конфликт-полей, которые связаны с социально значимыми проблемами, решаемыми современными организациями; миссией и целевой картиной; типами и видами организационно-управленческих структур; функциональным и технологическим ядром, а также инновациями и патологиями.

Четвертая конфигурация опирается на характеристики организационной эффективности, региональное устойчивое развитие, новые тренды в организационно-управленческих практиках, риски и конфликты оценки проектной деятельности. Организационная эффективность определяется степенью достижения целей, реализацией организацией своих функций и оптимизацией организационно-управленческих структур. Необходимо обращать внимание на гетерогенность организационно-управленческой эффективности (целевая, функциональная, структурная, внешняя и внутренняя, социальная, экономическая, технологическая и политическая, системная и комплексная).

Современные конфликты, когнитивные модели, методологические основания и технологии управления раскрываются с позиций социологических

когнитивных моделей на мезоуровне. Для этого анализируются не только традиционные работы Л. Козера и Г. Зиммеля, но и социально-философские основания, а также когнитивные модели Н. Лумана, Дж. Ло и Б. Латура, а также выявляются особенности *полей конфликтов* с использованием принципа историчности социально-философского знания. В период формирования и развития античной философии конфликты разворачивались в поле общественной жизни и общественных отношений на фоне противоречий, возникающих между новым социальным порядком и традиционными нормами и правилами, а также основами религиозной жизни. Имелись и экономические конфликты, детерминированные развитием экономики, расширением государственных границ и географическими открытиями. Возникающее на базе мифологизированного сознания философское понимание реальности спровоцировало эпистемологические конфликты. Отдельные философские школы и направления породили методологические, духовные, семантические, филологические, экзистенциальные и другие виды конфликтов, носящие мировоззренческий и гносеологический характер. Специфические черты конфликтов в рамках формирования и развития новоевропейской традиции детерминированы возникающими новыми формами европейской рациональности и самосознания. Наиболее острыми становятся конфликты в экономическом и политическом поле, поскольку они связаны с расслоением общества и процессами формирования государственности.

Другим важным полем конфликтных взаимодействий, представленным концептуально, является поле познания реальности, а также способы и методы, с помощью которых человек узнает предметы и их свойства, включая поле нравственных императивов (И. Кант). Осмысление конфликтов с помощью теоретического подхода К. Маркса позволило выявить основные причины конфликтов, находящихся в экономическом поле: противоречия между производственными силами и средствами производства. Политическое поле является носителем идеологических конфликтов. Классовый конфликт проявил значимость революционной практики в процессах конфликто разрешения. Франкфуртская школа сохранила в большей степени методологические основания марксизма, метод объективной диалектики, предложенный К. Марксом, и тем самым определила конфликт в качестве необходимого этапа общественного развития. Концептуальные схемы Ю. Хабермаса позволили выйти на сравнительный анализ целерационального и коммуникативного действия, находящихся в конфликте по отношению друг к другу. Герменевтическое и феноменологическое направления социально-философского исследования включили в себя не только процесс познания, но и конфликты, связанные с пониманием и объяснением текстов и социальных действий. Э. Гуссерль вносит новую проблематику в развитие конфликтологического знания, разрабатывая понятие феноменологических горизонтов и метода феноменологической редукции в противовес нашедшим широкое применение методам естественных наук. С. Кьеркегор и представители экзистенциализма определили новые поля конфликтов: конфликт между существующим и возможным (телеологический конфликт), конфликты между проекционными

сетками сознания, реальностью и проекциями разума, эпистемологический конфликт и направили исследования в аналитику и систематику конфликтов, связанных с процессом принятия решений, свободой человека, его тревогами и страхами.

Основаниями конфликтов, связанных с идеями структуралистов и постструктуралистов, являются противопоставления концепций гуманизма и антигуманизма. Конфликты утрачивают актора, он становится фоновой практикой осуществляемых исследований. На первый план выходят структурные конфликты. Сторонники структуралистского направления анализировали структуры культурного поля, коммуникаций и власти (политического поля) с использованием метода структурного анализа.

Постмодерн оформляется концептуально благодаря конфликту между классической рациональностью и современностью, противопоставляя себя модерну. Постмодерн находит для себя концептуальную лакуну — поле культуры и формируется в качестве направления развития искусства. Но по своим сущностным характеристикам постмодерн — это воплощение конформности и стратегий консенсуса, поскольку вбирает в себя все многообразие практик, опыта, концепций, развенчивает целостность, абсолютные истины. Постмодерн порождает конфликты, связанные с управлением новой, возникающей сложностью [9].

Конфликты присутствуют в моделях Н. Лумана в качестве эпифеноменов описываемых различий и рисков. Важными аспектами когнитивных моделей ученого выступают стратегии управления рисками и конфликтами, связанные с принятием и распределением рисков [10]. Опираясь на традиционные подходы и модели в исследованиях рисков и конфликтов на социальном и организационно-управленческом уровнях, обратимся к новым методологиям Дж. Ло и Б. Латтура. Они отличаются эвристичностью, проявляют, а также собирают конфликты и многочисленные неопределенности слабо структурированной реальности, присутствующие отношения «здесь-внутри» и отсутствующие «там-вовне». Важно обратить внимание на допущения о реальности, способных стать возможными полями конфликтов. Некое интуитивное понимание, что вовне существует «другая», отличная от нас самих реальность, это важное различие позволяет находить соответствие характеристик реальности и методов ее исследований.

Проявляют себя конфликты контингенций и гетерогенностей, а также асимметрии выстраиваемых моделей и существующих реальностей; допущение определенности, когда мир ясен, определен, вполне конкретен и управляем. Возникают конфликты, связанные с иллюзией безопасности, когда выстраиваемая модель нивелирует неопределенность, нелинейность, вероятностный характер взаимосвязей, конфликтогенность и рискованность социальных отношений. Пониманию того, что мир единый и целостный соответствуют конфликты, детерминированные иллюзией определенности, предсказуемости происходящих событий и осуществляемых действий. Становится актуальным нарративный подход к конфликтам, который позволяет разрешить проблему изолированности данных, поскольку возникают «новые системы» интегратив-

ного характера, способные уйти от логики противоречий, бинарных оппозиций и амбивалентности к логике хинтерландов (пучков взаимосвязей).

Акторно-сетевая теория Б. Латура помогает сделать акцент на идеальнотипических конструктах, с помощью которых осуществляется конфликт-менеджмент; переосмыслить сложный феномен конфликтов на основании конфликт-рефлексии. Эффективность конфликт-рефлексии в значительной степени повышается благодаря использованию матрицы конфликта, позволяющей выявить источники, условия, факторы конфликтов (обстоятельства, непосредственно влияющие на конфликты), виды конфликтов, субъектов и объектов конфликтов (в зависимости от активного или пассивного отношения к конфликтам, уровень конфликтов (вероятность конфликт-событий) и степень выраженности конфликтов (интенсивность, остроту и время протекания). Матрица, используемая для анализа конфликтов, является в данном контексте проекционной. Она позволяет следовать за акторами в процессе аналитики и систематики конфликтов и рассматривать конфликты в качестве сложного и гетерогенного феномена и непрерывного процесса, оставляющего «след», который можно уловить только опосредованно, через различия и связанные с ними риски.

В этом случае может помочь разработанная и описанная риск-модель, позволяющая исследовать современные организационно-управленческие практики. К риск-модели предъявляются требования рекурсивности, достоверности, доступности для понимания акторов в обществе, руководства и персонала организации, ясности и четкости в интерпретационной прагматике. Есть несколько уровней использования этой модели: поверхностный, средний и глубинный, коррелирующие с динамикой организационной жизни и управленческой инноватикой. Риски возникают там, где есть «разрыв», «несоответствие», «рассогласованность» в практиках акторов социальной и организационно-управленческой реальности. Именно они формируют неопределенность управленческой деятельности, коммуникационных практик и конфликтных ситуаций. Изменяется статус процесса управления рисками. Он становится идентифицируемым и наблюдаемым, вытесняя стихийные и несистемные практики управления социальными и организационно-управленческими конфликтами и рисками.

Риск-модель, активно используемая в современных организациях, служит основанием для повышения эффективности управления. Она должна быть рекурсивна модели функционирования организации, повседневным рутинам ее практической деятельности и проектной части, направленной на инновирование организации. Этот эффект достигается благодаря встроенности рисков в целевую картину, в функции организации, в целевую картину организационных инноваций, в инновационные мероприятия и результаты повседневной деятельности.

В заключение отметим, что интерес к конфликтам и рискам на различных уровнях управления (от социального до организационного) возникает в современном обществе благодаря кризисным феноменам. Кризис носит ярко выраженный пролонгированный характер и отличается высокой неопреде-

ленностью, слабой прогнозируемостью протекающих событий и реализуемых действий. Социальные институты перестают работать в прежнем режиме экономической эффективности. Они не решают социально значимые задачи, утрачивают структурную и функциональную эффективность. Причинами происходящих изменений являются несоответствия нормативной структуры социальных институтов нормативной структуре общества. И ту и другую нормативную структуру объединяет фактор энтропии. Акторы социальной и организационной жизни находятся в ценностном (антропологическом) кризисе. В этих обстоятельствах возрастает уровень рискогенности и конфликтности среды. Происходит увеличение общего количества конфликтов, и риски становятся высокими, а порой и катастрофическими. Изменяются характеристики современных рисков и конфликтов.

На наш взгляд, это веские причины для выработки новых методологических принципов исследований конфликтов и рисков. В статье предложена и использована в логическом построении текста нарративная методология Дж. Ло, во многом детерминированная наработками Б. Латура и элементами акторно-сетевой теории. Это рекурсивная по сложности изучаемым объектам медленная и щедрая методология. Конфликты и риски в современной ситуации кризиса могут изучаться с помощью четырех основных конфигураций, задающих концептуальные рамки исследований. Важна аналитика конфликтов и рисков не только в социальном поле, но и на организационном уровне, который может обеспечить нас эффективными управленческими стратегиями.

Одной из апробированных практик по управлению конфликтами и рисками является матрица конфликтов и матрица рисков. Основными элементами апробированных на практике матриц являются источники, условия и факторы, определяющие высокие риски и ситуации конфликтов. Матрицы помогают выявить объекты и субъекты рисков и конфликтов, определить виды, степень и уровень рисков и конфликтных ситуаций, а также разработать стратегии по управлению ими. Матрицы рисков и конфликтов позволяют реализовать системный подход в анализе современных конфликтных ситуаций и рисков, работать с высокими рисками и острыми затяжными конфликтами, не опасаясь потери управляемости.

Библиографический список

1. Куликов Д.Е. Мировой кризис: восток и запад в новом веке. М., 2017.
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
3. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М., 2015.
4. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004.
5. Руднев В.П. Новая модель реальности. М., 2016.
6. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб., 2007.
7. Федюнина С.М., Федорова А.В. Управление рисками и коммуникативными практиками современности // Вестник Поволжского института управления. Т. 19. № 1. С. 68–78.
8. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
9. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
10. Луман Н. Власть. М., 2001.